

Я РАССКАЖУ ТЕБЕ О ВИКИНГАХ

ПРОЛОГ

РАЗБОЙНИКИ ИЗ СЕВЕРНЫХ СТРАН

На исходе восьмого столетия — почти тысячу двести лет тому назад — к побережьям Западной Европы начали подходить с моря неизвестно откуда взявшиеся корабли под полосатыми парусами, с красивыми и страшными драконьими головами на носсах... С кораблей высаживались рослые, большей частью светловолосые, хорошо вооружённые люди. Они нападали на жителей побережья, резали скот, грабили имущество, захватывали и увозили с собой пленных — и вновь исчезали за горизонтом на своих быстроходных кораблях. После себя они оставляли страх и разорение. Встретив отпор, они дрались с удивительным мужеством, до конца защищая друг друга. Взятые в плен — умирали молча, без просьб о пощаде. А если их спрашивали, чьи они, кто их господин, они отвечали: «Господина у нас нет, мы все равны между собой».

Сами себя они называли ВИКИНГАМИ или ещё НОРМАННАМИ — «северными людьми». Так до сих пор именуют себя норвежцы, а в те времена «северными людьми» — по отношению к континентальной Европе — были все жители Дании, Швеции и Норвегии. Теперь эти страны называют Скандинавскими. Тогда их именовали Северными. Нынешние скандинавы прекрасно понимают друг друга без переводчика, хотя есть отличия и в произношении, и в правописании, и даже в составе алфавитов. («Чтобы получить датчанина, — шутят современные скандинавы, — надо взять норвежца и сунуть ему в рот горячую картофелину...») А тысячу двести лет тому назад в Скандинавии говорили и вовсе на одном языке, который только ещё начинал распадаться на отдельные диалекты. Этот язык называли «северным» или ещё «датским» — видимо, из-за того, что маленькая Дания временами распространяла свою власть и на Швецию, и на Норвегию, и на другие страны. Вспомним, что громадный остров Гренландия посейчас числится территорией Дании; долгие века была датской провинцией и Исландия — ныне самостоятельное государство.

С другой стороны, три нынешних материковых скандинавских народа делились в древности на множество разных племён. В Норвегии времён викингов существовала даже «административная единица» — фюльк, что в переводе означает «племя», «народ». Вот как звучали названия некоторых племён: халейги, гёты, хёрды, раумы, руги, юты. Теперь на географических картах можно найти остров Готланд, полуостров Ютландия, норвежские области Хельгеланн, Хордаланн, Ругаланн... Жители этих областей в дни фольклорных праздников надевают народные костюмы, по которым можно безошибочно определить, откуда кто приехал. Сохраняются различия и в диалектах языка, и в архитектуре старинных домов, и в изготовлении традиционных предметов домашнего обихода.

Такое явление не есть что-то присущее исключительно Скандинавии. Например, во времена викингов на той территории, где теперь живут три восточнославянских народа — русские, украинцы и белорусы, — обитало не меньшее количество разных племён: словене, кривичи, поляне, древляне, дреговичи, тиверцы, уличи и иные, каждое со своими особенностями национального костюма, культуры, верований и языка. Ещё в XIX веке, посмотрев, скажем, на прялку, можно было совершенно точно сказать, где она сделана. И до сих пор русский язык Вологодской области — совсем не то, что русский язык Краснодарского края. А в древности этих различий было гораздо больше. В каждой местности обитало отдельное племя, считавшее себя особым народом.

ЧТО ЗНАЧИТ «ВИКИНГ»?

В древности во главе каждого скандинавского племени стоял вождь — конунг. Знатных людей, помогавших конунгу править, называли ярлами. Титул произносили после имени — не «конунг Харальд» или «ярл Эйрик», а «Харальд конунг» и «Эйрик ярл». Простые же, незнатные земледельцы, скотоводы, рыбаки и охотники назывались бондами. Всё это были свободные и очень гордые люди, и земля принадлежала тому, кто её обрабатывал и с оружием в руках мог отстоять от грабителя и захватчика.

А грабили и захватывали нередко, и дело тут вовсе не в повышенной воинственности или кровожадности народа, как иногда пишут. Скандинавы никогда не были ни особо воинственными, ни особо свирепыми — люди как люди, и в древности, и теперь. Просто в Северных Странах во все времена было мало плодородной земли, пригодной под пашню или огород. Даже в современной Норвегии, например, только ТРИ ПРОЦЕНТА территории пригодны для сельского хозяйства, да и то — далеко не чернозём. Гораздо больше голого камня, лесных чащ, утёсистых, заснеженных гор. И моря — настоящего благословения Скандинавских стран. Море плескалось у самого порога дома и нередко оказывалось гораздо щедрей к человеку, чем с трудом возделанные поля.

Если обратиться к карте морских течений, можно заметить в Атлантическом океане гигантскую тёплую «реку» — течение Гольфстрим. Оно устремляется из нагретого тропическим солнцем Мексиканского залива к берегам Северной Европы и обладает такой мощностью, что его влажное, тёплое дыхание ощущается не то что в Скандинавии — даже на востоке Русской равнины. У шведских берегов, в Ботническом заливе Балтийского моря, зимой стоит лёд, а вот с другой стороны полуострова, там, где властвует Гольфстрим, море даже за полярным кругом не замерзает. Поэтому мореходство там возможно в течение всего года. Но блага, приносимые Гольфстримом, этим

не ограничиваются. Мощное океанское течение перемешивает воду, обогащая её кислородом. В такой воде хорошо себя чувствует планктон — мельчайшие животные и растительные организмы, — а значит, и рыба. А где рыба — там киты и тюлени. Северное, Норвежское и Баренцево моря недаром изобилуют морским зверем и рыбой.

Люди, за множество поколений привыкшие к скудости земли и щедрости океана, действительно могли сказать о себе знаменитыми словами оперной «Песни Варяжского гостя» (имеется в виду гость из Северных Стран): «Мы в море родились, умрём на море!» Они с детства обучались управляться с вёслами и парусом, делать любую работу на корабле. Достигло совершенства и строительство кораблей — удивительно красивых, вместительных и быстроходных, не боявшихся никакого шторма. Скандинавы не боялись моря и зачастую доверяли ему больше, чем твёрдой земле. Уловы рыбы, китов, тюленей и вообще всего, что давало море, называли «морским урожаем». О мифологии Древней Скандинавии мы поговорим в другой раз, а сейчас отметим только, что в этой мифологии немалое место занимают предания о враждебных людям воплощениях сухопутных стихий — злых великанах, каменных и ледяных. Зато великана Эгира, хозяина подводного царства, причисляли скорее к Богам и считали гостеприимным и хлебосольным хозяином, у которого остальные Боги любили устраивать торжественные пиры. Так отразились в мифологии условия жизни древних скандинавов: не очень то обильная, порою неласковая и опасная суша — и щедрое, привычное море. Случалось, в голодные годы коров и свиней подкармливали тресковыми головами, и только так скот дотягивал до новой травы. Сами же люди ели рыбу практически каждый день — варёную, копчёную, жареную, солёную, вяленую, даже квашеную, — с ячменным хлебом, с овсяной кашей, просто так. Между прочим, учёные считают, что именно из-за «рыбной диеты», продолжавшейся столетиями, среди скандинавов так много светловолосых. В наше время «диета» скандинавов мало чем отличается от общеевропейской, и исследователи пишут, что традиционно белокуроый народ понемногу начинает темнеть...

Море и верный корабль были для скандинава родным домом. И вот, если несколько лет подряд был неурожай на ячмень и овёс, если родное селение губил лесной пожар, накрывал оползень, поглощал движущийся ледник или захватывали враги, — люди нередко снаряжали корабль и уходили на нём искать себе лучшей доли.

Конечно, не все люди, а только самые деятельные, смелые и такие, кому нечего было терять.

Иногда они присоединялись к могущественному вождю — конунгу или ярлу. Иногда сами выбирали себе вождя — хёвдинга (от слова «хуфуд» — «голова») и начинали жить жизнью таких морских кочевников, добывать себе еду и припасы, нападая сперва на соседей, потом и на жителей других стран.

Напуганным до смерти жителям Западной Европы в первую очередь, конечно, запомнились нападения и грабежи, но сказать, что бродячие мореходы только и делали, что дрались, было бы величайшей несправедливостью. Большею частью они мирно торговали (хотя всегда готовы были за себя постоять, а то и прихватить что плохо лежит), а временами отправлялись исследовать неведомые моря, открывать новые земли...

ВИКИНГИ — вот как называли тех, у кого больше не было дома на берегу, только корабль.

Учёные до сих пор спорят о том, что же в точности значит «ВИКИНГ». Одни говорят, что это просто «житель залива», ведь «вик» значит «залив», а узкие и длинные морские заливы — неременная деталь скандинавского пейзажа.

Другие утверждают, что «викинг» — скорее, «человек, нападающий на жителей залива».

Третьи учёные производят это слово от названия древней провинции Вик на юге Норвегии, в окрестностях современного Осло.

Четвёртые доказывают, что «викингом» называли даже не человека, а поход на корабле, в который отправился человек. Одну и ту же фразу из древнего документа переводят и «он отправился с викингами за море», и «он был в викинге за морем».

А пятые учёные пишут, что «викинг» — это от древнего глагола «викья» — «уклоняться, сбиваться с пути». Может быть, это мнение наиболее обоснованно, ведь те, кого мы называем викингами, в самом деле уходили из дома, покидали родню и вообще жили не так, как вроде бы человеку положено. О том, почему они были в древнескандинавском обществе белыми воронами, будет рассказано в главе «Скажи мне, какого ты рода, и я скажу, кто ты».

Здесь мы не будем вмешиваться в споры учёных. Запомним только, что ВИКИНГИ — это не народ из «страны Викингии», не национальность. ЭТО ПРОФЕССИЯ. Викинги — это североевропейские морские воины VIII–XI веков, купцы, мореплаватели и разбойники. Причём не обязательно этнические скандинавы. Викингам, причём весьма знаменитыми, бывали и славяне с южного берега Балтийского моря.

Ваше величество, или Короли, цари, конунги

Не правда ли, древнескандинавское слово КОНУНГ сильно напоминает русское КНЯЗЬ? Эти слова действительно родственники не только по звучанию, но и по своему значению.

Некоторое время назад в науке был период, когда считалось, что едва ли не всей своей цивилизацией и культурой славянские народы были обязаны своим соседям — германским народам. В том числе скандинавам. Вот и «князя» объявили «германским заимствованием»: в старых книгах по истории России можно прочесть, что «князь» — это немного переименованное «конунг».

В наше время учёные считают, что связь между этими словами гораздо сложнее, глубже и интересней. Их родство уходит корнями в очень отдалённые времена, когда древнейший народ — предшественник славян, германцев и ещё очень многих народов — только ещё расселялся на пространстве от Индии до Атлантического океана, постепенно дробясь на различные племена. Этот народ учёные так и называют — ИНДОЕВРОПЕЙЦАМИ, а в литературе иногда ещё — ИНДОАРИЯМИ или ИНДОГЕРМАНЦАМИ.

У многих современных народов, причисляемых языковедами к индоевропейской семье, сохранились некоторые сходные слова, напоминающие о том древнем родстве. Причём слова эти, как правило, выражают очень старые понятия, существовавшие ещё до отпочкования того или другого народа от общей ветви.

Одним из таких понятий было «предводитель, старейшина рода, глава семьи». Вот из какой дали времён явились слова, которыми во многих странах называли раньше или сейчас называют правителя: немецкий «кёниг», английский «кинг», шведский «кунг», норвежский «конг», датский «конге», эстонский и финский «кунингас», наш «князь», болгарский и западнославянский «кнез»... Сюда же относится и «ксёндз» — польский священник.

В обозримые исторические времена все эти слова подразумевают правителей-мужчин. Однако учёные пишут, что древний индоевропейский корень КОН, от которого все они происходят, обозначает... женское чрево, в котором зарождается новая жизнь. Оказывается, человечество с древнейших времён прямо-таки с религиозным почтением относилось к Женщине и её важнейшему качеству — способностью быть матерью, рожать детей.

Как ни странно это покажется на взгляд современного человека, роль мужчины в рождении ребёнка была для древних людей далеко не так очевидна, как для нас теперь: считалось, что при посредстве

женщины вновь воплощаются духи могущественных предков, иногда даже причисленных к лику Богов. Поэтому скандинавы времён викингов всерьёз полагали, что дядя по матери — родственник гораздо ближе отца; считалось, что именно на него, а не на отца, скорее всего, будет похож родившийся сын. Детям будет вообще «позволено» походить на отца только в том случае, если он хорошо позаботится о них и о жене!

Вспомним: до сих пор детей зачастую называют по бабушке или по бабушке, а то и именами прославленных, знаменитых людей: полководцев, космонавтов, артистов и даже киногоeroев. Вот только теперь уже мало кто помнит, что в древности таким образом пытались привлечь к ребёнку дух и удачу прославленного предка, а позже — знаменитого человека... Но мы несколько отвлеклись.

Исследователи переводят КОН так: «предел, начало, конец». Древние люди вкладывали сюда понятие изначальности, вечности, замкнутого круга, границы. Вспомним: исКОНный, испоКОН веку, КОНец, сКОНчатся; КОНдовым на Русском Севере называли могучий, крепкий строевой лес, живущий, кажется, вечно. Нелишне упомянуть слова заКОН и поКОН, то есть обычаи. «Коном» в старину называлась большая группа людей, тесно связанных между собой, первоначально — родственный клан, большая семья. Ещё словом «кон» обозначали «юрисдикцию», закон данной общины. Вот откуда КОНовод: это не тот, кто «водит коня», это — зачинщик, затевала, способный увлечь за собой людей, отстоять законность. Одним словом — вождь. И не только светский, но и духовный.

Зная всё это, можно ли всерьёз утверждать, будто такие люди, энергичные, деятельные предводители — и название для них, — появились у наших предков только после знакомства с соседями-скандинавами? Конечно же нет. (А если повнимательней присмотреться к слову «КОНечно»...)

История других терминов, которыми в Европе традиционно обозначают правителей, не менее поучительна и интересна. Например, многие ли теперь знают, что знакомое и привычное нам слово «король» во времена викингов только что родилось? Произошло оно от имени Карла Великого, в конце VIII — начале IX века победоносно владевшего половиной Европы. Такое уважение и такой страх внушал этот легендарный властитель, что его имя стало нарицательным. Точно так же, как русское «царь» (а также иногда употребляемое «кесарь» и «цесарь») — от имени Гая Юлия Цезаря, знаменитого императора Древнего Рима. Вот какие превращения бывают в истории с именами людей, оставивших по себе долгую память. Причём совершенно не обязательно добрую!

Скажи мне, какого ты рода, и я скажу, кто ты

При всём том, что было сказано выше о природных условиях, казалось бы побуждавших население к морским путешествиям и поискам лучшей доли у чужих берегов, викинги никогда не составляли в Древней Скандинавии большинства населения. Далеко не каждый срывался с насиженного места и «в один прекрасный день» отважился начать жизнь морского разбойника.

Иногда в популярной литературе пишут, что викингами, и в особенности предводителями викингов, становились по преимуществу младшие сыновья зажиточных людей: они, мол, не наследовали отцовских земель, а значит, волей-неволей были вынуждены искать удачи на стороне. Никто не спорит, бывали и такие случаи, но основная причина, толкавшая людей к жизни морских кочевников, была всё же несколько иной.

К началу эпохи викингов в Скандинавии только начинали возникать города и крупные поселения. Жители Северных Стран вообще редко селились деревнями, ведь на каждую «душу населения», чтобы прокормиться, требовались обширные лесные угодья для охоты. Древнескандинавскому поселению точнее всего подходит название «хутор». Как правило, где-нибудь в укрытом от ветра солнечном месте на берегу морского залива стоял всего один большой дом (внутри его мы ещё побываем), окружённый хозяйственными постройками и непременно сараями для лодок и корабля. А в доме жила опять-таки всего одна семья.

Эта семья была совсем не похожа на ту, к которой мы привыкли в нашей современной жизни: мать, отец, один-два ребёнка. Самое большее есть ещё дедушка с бабушкой и дядя с тётей, да и те живут, как правило, где-нибудь в другом месте. Если же в семье трое детей, она считается многодетной, и государство ей помогает.

В древности, во-первых, все поколения семьи жили обыкновенно под одной крышей, да ещё где-нибудь неподалёку находилось семейное кладбище, так что в жизни семьи незримо принимали участие и давно умершие предки. Во-вторых, детей рождалось гораздо больше, чем теперь. Ещё в XIX веке, в условиях единобрачия, десять и более детей было обычным явлением. А в эпоху викингов, не забудем, богатому и состоятельному мужчине не считалось зазорным приводить в свой дом столько жён, сколько он мог прокормить... Представьте себе такой дом, в котором живут четверо-пятеро братьев с жёнами, детьми, родителями, бабушками, дедушками, дядями, тётями, двоюродными, троюродными... Целое общество, и все —

родственники! Учёные-этнографы, изучающие жизнь самых разных народов, так и называют подобный родственный коллектив: БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ.

Каждый человек, живший в большой семье, ощущал себя в первую очередь не ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬЮ со своими собственными запросами и возможностями, как мы теперь. Он рассматривал себя главным образом как ЧЛЕНА РОДА. Он казался себе частичкой единого тела, единой души. Он мог назвать своих предков на несколько столетий назад и подробно рассказать о каждом из них. И он знал, что о нём самом будут помнить через несколько веков — с гордостью или, может быть, со стыдом. Знакомясь и называя себя, всегда добавляли: сын такого-то, внук и правнук такого-то. Без этого имя было не имя: люди сочли бы, что человек, не назвавший отца и деда, что-то скрывает. Зато уж, услышав, какого ты рода, люди сразу решали, как к тебе относиться.

Каждый род имел вполне определённую РЕПУТАЦИЮ. В одном люди исстари славились честностью и благородством, в другом встречались мошенники и задиры: значит, повстречав представителя подобного рода, следовало держать ухо востро.

Человек знал, что при первом знакомстве его будут оценивать так, как того заслуживает его род. С другой стороны, он и сам чувствовал ответственность за всю большую семью. За одного набедакурившего расплачивался весь его род!

Очень часто, встретив незнакомого человека, называть свой род-племя даже и не требовалось. В эпоху викингов повседневная одежда каждого человека представляла собой его полный «паспорт». Точно так, как по нынешней форме военного можно сразу определить, в какой стране он живёт, в каком роде войск служит, какое звание имеет, каких наград удостоен, где воевал и так далее. В древности одежда каждого человека содержала огромное количество деталей, очень много говоривших о её обладателе: из какого он племени, какого рода, состоит ли в браке, старший или младший сын или дочь и ещё много разных подробностей. А значит, посмотрев на одежду, сразу можно было определить, кто это такой и откуда, а значит, и как себя с ним вести. В древности точно такие же порядки существовали и у нас на Руси. До сих пор в русском языке сохранилась поговорка: «По одежке встречают, провожают по уму». Только не все теперь знают, из каких отдалённых времён явилась эта народная мудрость. Обычно считается, что «по одежке» видно, богат ли человек и со вкусом ли одевается. На самом деле всё гораздо серьёзней: впер-

вые повстречав человека, «по одежке» определяли его род и решали, как себя с ним вести. И только потом, познакомившись поближе, оценив его личные качества, человека провожали «по уму»...

Родственниками не рождаются

Изучение древних сказаний и, более того, наблюдения за жизнью различных племён, обитающих в труднодоступных районах земли, подвели учёных к странному, на современный взгляд, выводу: в условиях родового строя РОДСТВЕННИКАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ.

Оказывается, прежде чем стать настоящим членом семьи и обрести в ней обязанности и права, новорождённый малыш должен был ещё «доказать» своё право на это. Древние люди считали необходимым убедиться, что ребёнок — СВОЙ. Что он вообще человек.

По их мнению, беременной женщине угрожало множество магических опасностей. В частности, считалось, что злые силы способны похитить будущего ребёнка прямо из материнского чрева и заменить его своим детищем — никчёмным, злобным созданием. Кто же мог по достоинству оценить новорождённого? Конечно, Высшие Существа, которым поклонялось данное племя.

В этой книге будет неоднократно упоминаться о ТОТЕМЕ — волшебном звере, которого тот или иной род считал своим предком. Зверя соответствующей породы (оленья, волка, лисицу...) иногда приручали и держали в деревне. Ему-то в древнейшие времена и показывали младенца. Если зверь относился к малышу благосклонно, тому предоставлялась возможность жить, расти и взростеть. Если же нет — ребёнка могли и убить.

Позже живых тотемов заменили изваяния Божеств, у которых спрашивали знамения. А ещё позже функции божественных предков были возложены на... ПРЕДВОДИТЕЛЯ РОДА. В частности, у скандинавов времён викингов именно ему надлежало решать, оставить ребёнка или приказать его «вынести» и покинуть где-нибудь в ямке на волю стихий, диких зверей и милосердных прохожих.

В художественной литературе очень любят использовать этот момент для иллюстрации «бесчеловечной жестокости» языческой эпохи, тем более что христианство действительно боролось с убийством неугодных детей. Жаль только, что при этом как-то забывают: ко времени викингов судьба новорождённого определялась уже в основном не магическими, а экономическими обстоятельствами (допустим, ребёнок родился в разгар жестокого голода). Кроме то-

го, в языческие времена детей «выносили» не «через одного», как иногда полагают, а исключительно редко, и, по выражению старинной хроники, «никто не считал, что это хорошо».

«Я» и «мы»

Легко было жить в большой семье или в не очень большой?

В таком роду никогда не бывало ни всеми позабытых детей, ни брошенных стариков. Когда у кого-то случалась беда, родня — даже самая дальняя, которую мы называли бы «седьмая вода на киселе», — готова была прийти на выручку. Отстроить сгоревший дом, поделиться имуществом и богатством, помочь отбиться от врагов, заступиться за обиженного. В Древней Скандинавии случалось даже так, что суд решал спорное дело в пользу того, кто приводил с собой больше родни. И даже не потому, что родня эта являлась на суд с оружием... Мой род — моя крепость!

Зато в любой ситуации человек должен был действовать так, как будет лучше для его рода. А свои личные интересы соблюдать только потом. Такое общество, в котором безраздельно властвует РОД, учёные называют ТРАДИЦИОННЫМ. В таком обществе веками накапливались ТРАДИЦИИ — те взгляды, понятия, идеи, обычаи, которые на протяжении столетий помогали обществу выжить. Так вот, если хорошенько присмотреться к любой древней традиции, окажется, что она совершенно чётко нацелена на выживание рода. Никакого «индивидуализма» традиционное общество не признаёт. И поскольку человечество не вымерло, значит подобное положение большую часть людей худо-бедно устраивало.

Традиционное общество с некоторой натяжкой можно уподобить муравейнику. Природе всё равно, погибнет или будет жить данный конкретный муравей: лишь бы уцелел муравейник. Вот и человеческое общество на определённых этапах своего развития заботится не столько об индивидуальной судьбе отдельного человека, сколько о выживании общества в целом. То есть — рода.

Что из этого получалось?

Род, полностью определявший жизнь каждого из своих членов, временами диктовал им свою непреклонную волю в самых деликатных вопросах. Например, если два рода, жившие по соседству, решали объединить свои усилия, вместе отправляться на охоту или в море за рыбой или отбиваться от врагов, — самым естественным казалось скрепить союз родственными отношениями. Если в одном роду был взрослый парень, а в другом — девушка, родственники мог-

ли попросту приказать им жениться. И всё! Никакие отговорки не принимались. Подумаешь там, любит — не любит. Какие мелочи, если речь идёт о благополучии рода! Стерпится — слюбится...

В наше время жениться по расчёту или по настоянию родственников считается безнравственным и отвратительным. Сегодняшнее общественное мнение признаёт только любовь: «любовь всегда права», как выразился поэт. А в древности и у скандинавов, и у наших предков славян нравственным считалось, наоборот, повиновение воле родителей! Что ж, каковы условия жизни того или иного общества, таковы и моральные нормы, в этом обществе действующие, и ничего удивительного в том нет. Мерить древних людей современными мерками, как мы часто делаем, просто нельзя.

Пример с любовью и браком — просто самый бросающийся в глаза, а вообще ситуаций, когда интересы отдельной личности вступали в противоречие с интересами рода, можно привести бессчётное множество. И, как водится, большинство склонялось перед авторитетом традиций и уступало. Ещё бы! Иначе человеку пришлось бы уйти из дома, то есть почти наверняка погибнуть или, если повезёт, обречь себя на весьма жалкое существование. Не случайно учёные-этнографы обнаружили у народов нашей планеты, до сих пор ещё живущих по законам родового строя, большой процент самоубийств среди молодёжи пятнадцати—семнадцати лет. Дело тут, по-видимому, в том, что как раз в таком возрасте запросы и интересы взрослеющей личности вступают в серьёзный конфликт с порядками и правилами, царящими внутри родственной группы. Большинство смиряется и переламывает себя, подчиняясь общественной морали. Некоторые — самые сильные, решительные и безоглядные — порывают с воспитавшим их обществом и отправляются искать лучшей доли сами по себе. А кто-то, не в силах избрать ни тот ни другой путь, находит выход в самоубийстве.

Мирные обыватели и отважные бунтари

Род — наиболее древняя форма общественного устройства и, как пишут учёные, едва ли не наиболее живучая и прочная. Недаром наиболее устойчивые и успешно работающие организации устроены по «родственному» принципу — от процветающих фирм («Весь первоначал — одна семья!») до «семей» мафии. Однако род — это всего лишь частный случай ГРУППЫ, членом которой может быть либо не быть человек.

Группа — это сообщество людей, обладающее внутренней организацией и принятыми правилами поведения. Каждый человек может быть членом нескольких групп. Например, мы, в нашем современном обществе, у себя дома в первую очередь являемся членами своей семьи; учащиеся школы, сидящие на уроке, в первую очередь — школьники, а всё остальное уж потом; взрослые люди на работе — члены данного коллектива. И так далее. Участие в группе даёт человеку определённые преимущества, но и ограничения на него налагает. Чтобы представить это себе, достаточно мысленно сравнить права и обязанности работающего человека — и безработного, имеющего дом и семью — и бомжа, нормального школьника — и беспризорника.

Понятно, что человек, являющийся членом устойчивых и сильных групп, и сам чувствует себя морально и материально защищённее и увереннее, но кое в чём не свободен. Ему приходится выполнять массу обязанностей, далеко не всегда приятных, а зачастую — сдерживать свои личные порывы (например, когда хочется поколотить начальника, вполне это заслужившего). Безработному и беспризорнику не надо вставать по будильнику, спешить на работу и вежливо раскланиваться с ненавистным начальником. Свобода! Зато им никто не платит зарплату, не оплачивает больничный, не выдаёт свидетельство об образовании. Кому что больше подходит — решать каждому за себя. Учёные, изучавшие закономерности внутри групп, называют ту часть человечества, которая, поступаясь частью личной свободы, работает на остальное общество и что-то получает взамен, СТРУКТУРОЙ. Тех же, кто не желает подчиняться правилам, «шагать в ногу» и признавать над собой какую-то власть, тех, кто стремится вырваться за рамки общества и провозглашает «свободу, равенство и братство», учёные на своём языке называют КОММУНИТАС.

Про бунтарей и белых ворон, которых во все времена можно было смело причислить к коммунитас, писатели пишут приключенческие романы. Однако, если подумать, то окажется, что в «мирной жизни» лучше жить среди структуры. Среди тех, кто встаёт рано утром и отправляется в поле, в огород, за рыбой, в лес на охоту.

Так же легко понять и ещё одну истину: если бы общество состояло только из тех, кто ведёт себя примерно, всегда слушается родителей и начальства, не нарушает никаких правил, — в таком обществе можно было бы удавиться с тоски, а кроме того, само такое общество потеряло бы способность меняться, прекратило бы всякое

развитие, ведь любое новшество неизбежно есть нарушение каких-то прежних правил.

С другой стороны, жить в обществе, состоящем сплошь из бунтарей, никакого закона и порядка не признающих, — также удовольствие небольшое. Эту часть населения можно сравнить с закваской, которая даёт новые идеи и придаёт обществу, временами болезненно, какой-то поступательный импульс. Но ведь даже простое тесто не может состоять из одних дрожжей, нужна и мука, причём все составляющие — в определённой пропорции...

Что из этого следует?

Во-первых, нормальному, спокойно развивающемуся обществу в равной степени нужны все его дети — и люди-валуны, и люди-колючки, и даже те, кто живёт вроде бы ни для чего, просто «для красоты».

Во-вторых, интересно проследить, что же происходило — и происходит — с вольницей «свободных и равных», когда она отделяется от ненавистной «структуры» и начинает жить сама по себе? Оказывается, очень быстро она сама обзаводится «структурой». Рыбак рыбака видит издалека — вчерашние бунтари-одиночки объединяются в группы (хотя бы в целях элементарного выживания), и кто-то неизбежно оказывается самым инициативным и смелым, становится вожаком. А если приходится ещё и постоять за себя, очень скоро выясняется, что без строгой воинской дисциплины даже очень храбрые воины много не навоюют...

Законы, о которых рассказывалось в этой главе, являются общечеловеческими. Они суть следствие биологической природы человека и действовали у всех народов и во все времена. В том числе и в Древней Скандинавии. Как и повсюду, большинство населения там составляли земледельцы, охотники и рыболовы, не помышлявшие ни о каких приключениях. Но были и другие люди — активные, дерзкие, независимые, стремившиеся к какой-то иной жизни, к дальним путешествиям, опасностям и воинским подвигам. Собираясь вместе, эти люди объединялись в ватаги, избирали себе вождя — хёвдинга. А поскольку к морю они были привычны едва ли не больше, чем к твёрдой земле, рано или поздно у них появлялся корабль, на котором они и отправлялись в походы...

Вот этих-то людей, «ушедших из дома», «живущих не как все», и называли ВИКИНГАМИ. Теперь понятно, что какая-то особая воинственность или кровожадность здесь ни при чём. Просто в Древней Скандинавии действовали те же законы ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА, что и во всём остальном мире. Просто местные усло-

СОДЕРЖАНИЕ

Я РАССКАЖУ ТЕБЕ О ВИКИНГАХ.....	5
ЛЕБЕДИНАЯ ДОРОГА. <i>Роман</i>	151
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	
С викингами на Свальбард. <i>Историческая повесть</i>	607
Два короля. <i>Историческая повесть</i>	717
Орлиная Круча. <i>Историческая повесть</i>	729
Сольвейг и мы все. <i>Историческая повесть</i>	772
Хромой кузнец. <i>Повесть</i>	805
Уставший в Пути. <i>Рассказ</i>	861
Девять миров. <i>Повесть</i>	871
Две грозы. <i>Рассказ</i>	985

Семёнова М.

С 30 Лебединая дорога : роман, повести, рассказы / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 992 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-22980-8

Мария Семёнова — русская писательница и большой мастер, мифотворец, который создаёт свои миры и описывает их «с точностью этнографа и занимательностью иллюзиониста». Читатели знают и любят её романы-фэнтези, и даже тот человек, кому не близок этот жанр, наверняка слышал о «Волкодаве» — книге, которая пробудила огромный интерес к древнерусской истории. Пожалуй, в этом самая большая заслуга Марии Семёновой, написавшей, помимо фэнтези, научно-популярную энциклопедию «Мы — славяне!», ряд исторических романов, повестей, очерков и пересказавшей языческие мифы.

...Они приходили с моря, которое называли Лебединой дорогой. Их не пугали великие опасности и кровавые битвы, ибо павшие в сражениях воссядут в небесной Вальхалле, а выжившие покروют себя славой. Этих отважных и жестоких воинов севера хранили суровые боги-асы. Им помогали светлые альвы и тёмные йотуны. Их души уносили с поля боя златоконые валькирии. Они жили войной и ради войны. И звали себя — викинги.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА СЕМЁНОВА

ЛЕБЕДИНАЯ ДОРОГА

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная вёрстка Екатерины Киселёвой
Корректоры Светлана Фёдорова, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.04.2023. Формат издания 60 × 88^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 60,76. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-ARL-31926-01-R